

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: В ожидании рецидива

Андрей засыпал и просыпался с тем, что стало частью его снов.

Было ли это временной причудой, забавой? Или вредной привычкой? Сказать наверняка сложно. Скорее и тем, и тем, и тем. Всем помаленьку. А иногда и чем-то большим. В любом случае, вспоминали об этом редко (если вообще вспоминали). Но и так, чтобы совсем забыть — такого тоже ни разу не было.

То есть, Андрей ничуть не удивился, когда проснулся с тридцати семилетней Анной. Более того, он вновь испытал то полузабытое чувство — чувство инцестуозной близости. Что отнюдь не в новинку: раньше с мамой (т. е. с Анной) они постоянно вместе спали. Потом, по некоторым соображениям, прекратили. Ну, а теперь вот, судя по всему, опять начали...

Никаких сроков давности тут быть не могло.

Анна трепетно хранила секрет, которого сам Андрей, пожалуй, что и стыдился. Мышление Андрея выхватывало целые куски чувств — нерасчленённых, слитых вместе. По итогу всё получалось крайне непоследовательно: сначала содеянное, затем поиск оснований. Сначала поцелуй, затем комплимент. Над этим можно было посмеяться, чем отец и муж семейства, Владимир, часто забавлялся. Для него проблема заключалась в инфантильности нынешней молодёжи, в её чрезмерной изнеженности.

Как бы то ни было, но в сознании Андрея образ родительницы не состоял из взаимоисключающих ролей, они, эти роли, попросту наслаивались друг на друга. Он воспринимал её во всех качествах сразу — Неразделённой. Мужу Анна никогда не изменяла, но упрекать сына в том, в чём тот и так раскаивается, она тоже не могла. Да и насколько он виноват? И виноват ли вообще? Она была готова взять ответственность за «изъян» в развитии сына на себя. Или же не изъян, а странную особенность «недоразвития».

Так всё и началось. Движение по периметру привычного; несмелые отклонения куда-то в сторону. От совместного просмотра порнороликов в интернете до разговоров о «чисто гипотетических» вещах. А чуть позже дошло и до кое-чего более практического.

Вообще-то, в приоритетах семейной жизни секс постепенно отошёл на второй план. На пятнадцатый год брака о нём вспоминали редко. Сексуальная близость обрела характер неких торжеств, завязанных на праздники, отпуска и т. д. Владимир, делая замечания жене по поводу «броского» внешнего вида, иначе как к насмешливо-простодушному тону не прибегал. Разумеется, Анну это ранило. Уже много лет дистанция между ними напоминала хроническую, однако кризиса так и не наступало. В этих условиях и произошли так называемые «рецидивы», сначала второй, потом третий.

Андрей о многом не догадывался. Кое-что его и вовсе не интересовало. Он был слишком занят угрызениями собственной совести, чтобы думать о совести других. А когда ему удавалось заглушить её назойливый глас, он понимал, что силой инерции его неумолимо тащит назад, откуда всё и началось — к пагубному подростковому нигилизму вкупе с сексуальной озабоченностью.

«Может прав отец, — грузил он себя тяжёлыми мыслями, — и я просто изнеженный педик?»

Однажды он так увлёкся переживаниями, что не заметил, как заговорил вслух.

«Боже! Что со мной такое?! — терзался он. — Против чего я борюсь?!»

«Соппротивление бесполезно!» — словно издалека услышал он голос Анны, а когда посмотрел

вниз, увидел её лицо. Жадным пленом её губы лобызали фаллический массив его эрекции. Андрей ужаснулся своей неспособностью отсрочить неминуемое...

Солнечный свет заливал часть стены, захватывая и часть женской фигуры. Анна в платье не только летнем, а категорически домашнем — до нижней части ягодичек оно доходило едва-едва. На экране монитора двигались пятна обнажённых тел. Веб-камера равнодушно фиксировала парочку распущенных тинейджеров, с которых в этот раз брали пример.

Анна не успела накрыть брызнувший «фонтан». Вышло не изящно. Её губы заскользили по густому, пока оно исторгалось из сокращающейся головки.

Андрей сокрушённо смотрел на свои художества (липкая клякса стянула миловидные женские черты: нос, бровь, ресницу). Остаток его мыслей перетёк на «холст», воплотив собой в высшей мере спорную инцест-картину. Живая, та смотрит на него, моргая глазами. И отражаясь в них, Андрей осознаёт весь драматизм своих переживаний как глупый и напыщенный. Чувствуя необычайную лёгкость, он откидывается в компьютерном кресле. Тревоги отступают перед внутренним спокойствием на второй план.

Совместный просмотр порнороликов обернулся тем, что момент физиологии временно затмил собой все прочие соображения. Конечно, потом эти соображения о себе напомнили. И дело даже не в том, что их поймали на «горяченьком» (соседи по садовому участку). Просто...

Просто тогда они ещё не были до конца уверены. Им казалось, что что-то может поменяться. В худшую сторону. А дни между тем так и складывались в недели и месяцы.

Время постепенно растворило в себе этот страх — страх безвозвратности. А потом исчезло и само желание куда-либо возвращаться. («Куда? Зачем?») О нём то ли забыли, то ли оно трансформировалось в что-то иное...

Андрей засыпал и просыпался с тем, что стало частью его снов. Он прикоснулся к таким вещам, о которых его сверстники могли лишь мечтать. А поделиться с кем-то переживаниями он мог далеко не всегда (почти никогда). Чаще он просто изливал их в виде анонимных интернет-рассказов, в которых недальновидно, с кучей деталей, описывал внешность своей любовницы.

Телосложение у Анны тяготеет к плотному, хотя вся эта «плотность» приходится в значительной мере на попу и слегка полноватый животик. Ножки же как ни странно худы, особенно это касается лодыжек, из-за чего, например, в джинсах Анна выглядит крупнозадой (При среднем росте это довольно существенная деталь.) Ну, а если Анна без одежды, то взгляд сразу же цепляется за крупную грудь, которая без поддержки лифа форму не держит совсем.

Андрей так и не признался себе, что жил предвкушением очередного «рецидива». Не признался, потому что слишком уж неоднозначными были те якобы забытые переживания. Презервативы быстро кончались, а кончать быстро Андрей так и не отвык. Образ беременной мамы преследовал неотступно. Образ, который обычно пугал, но иногда вопреки здравому смыслу патологически возбуждал.

Никаких сроков давности тут быть не может. Поэтому Андрей не просто не удивился, когда проснулся не один, а уже в который раз в объятиях Анны (т. е. мамы). Напротив — он только этого и ждал.

В хмурой комнатной обстановке он разглядел телесного цвета колготки, свисающие со спинки стула. Шаг за шагом он восстановил в памяти нехитрый процесс их снятия. Колготки, трусики. Ночью был медлительный по темпу, но продолжительный по времени (почти до пол

третьего ночи) секс; сначала без презерватива (в жопу), потом с ним (в пиз*у). Затем они, счастливые, наконец уснули.

Желание сделать пробуждение Анны как можно более приятным возникло само собой. В памяти всплыл калейдоскоп похожих ситуаций, в которых его собственное пробуждение сладко переходило в оргазм, и открывая глаза, он видел мамино лицо. «Сюрприз!» — улыбалась она и поздравляла с добрым утром, как если бы это был какой-то праздник.

«А ведь она и правда умеет превратить каждое утро в праздник...»

То ли в шутку, то ли всерьёз Андрей захотел оставить на её шее засос. Сквозь сон Анна что-то бормочет, но Андрей на это не реагирует. По тёплой шее Анны пульсирует ударами сердца кровь, биение жизни. Закончив целовать шею, он долго лобызал оплывшие дыньки груди, пока наконец не опомнился, и уже без промедлений пополз ртом к животу и ниже, оставляя на своём пути влажные поцелуи.

Обильно облизав гладкий лобок, он принялся «теребить» клитор напряжённым языком, во всех направлениях и со всеми возможными амплитудами. Результат не заставил себя ждать: в сонном дыхании Анны произошла кардинальная перемена.

Она ещё делает вид, что спит, но не слишком убедительно. Чувствуя, как напрягаются её бёдра, Андрей сильнее раздвигает её колени в стороны. У Анны не остаётся иного выбора, кроме как, выгибаясь в сладкой истоме, поддаваться тазом навстречу.

Андрей аккуратно вводит в поалевшее влагиалище пальцы — — сначала один, затем второй, — — мысленно подбираясь к клитору с другой, внутренней стороны...

Спустя несколько минут Анна уже не строит из себя спящую красавицу, а остро реагирует даже на самую незначительную стимуляцию. Приближая её к кульминационному моменту, Андрей с трудом сдерживается, чтобы не вскочить как ошпаренный и не начать долбить её сочащееся лоно одеревеневшим членом. Однако он не смеет сделать паузы.

«Она достойна первоклассного куни!!» — думает он в полубреду, упиваясь происходящим в прямом и переносном смысле.

Анна вздрагивает заключительный раз и расслабляется. Андрей сбавляет обороты. Он лежит с твердокаменным членом, прислушиваясь к своему сердцебиению, а также к застывшим от перевозбуждения мыслям.

Ему до безумия нравится эта жизнь — жизнь, сведённая к конкретным и осязаемым формам, линиям, изгибам, ложбинкам, полушариям. Да и разве спад давления в доведённой до перегруза системе может сравниться хоть с чем-нибудь? Для себя на этот вопрос Андрей ответил давно. А вот является ли это причудой, забавой? Или нежелательной вредной привычкой? Сказать наверняка сложно.

Самое главное: он дождался очередного рецидива, и, значит, давление в его системе на некоторое время понизилось. А уже это даёт простор и для решения всех прочих вопросов.